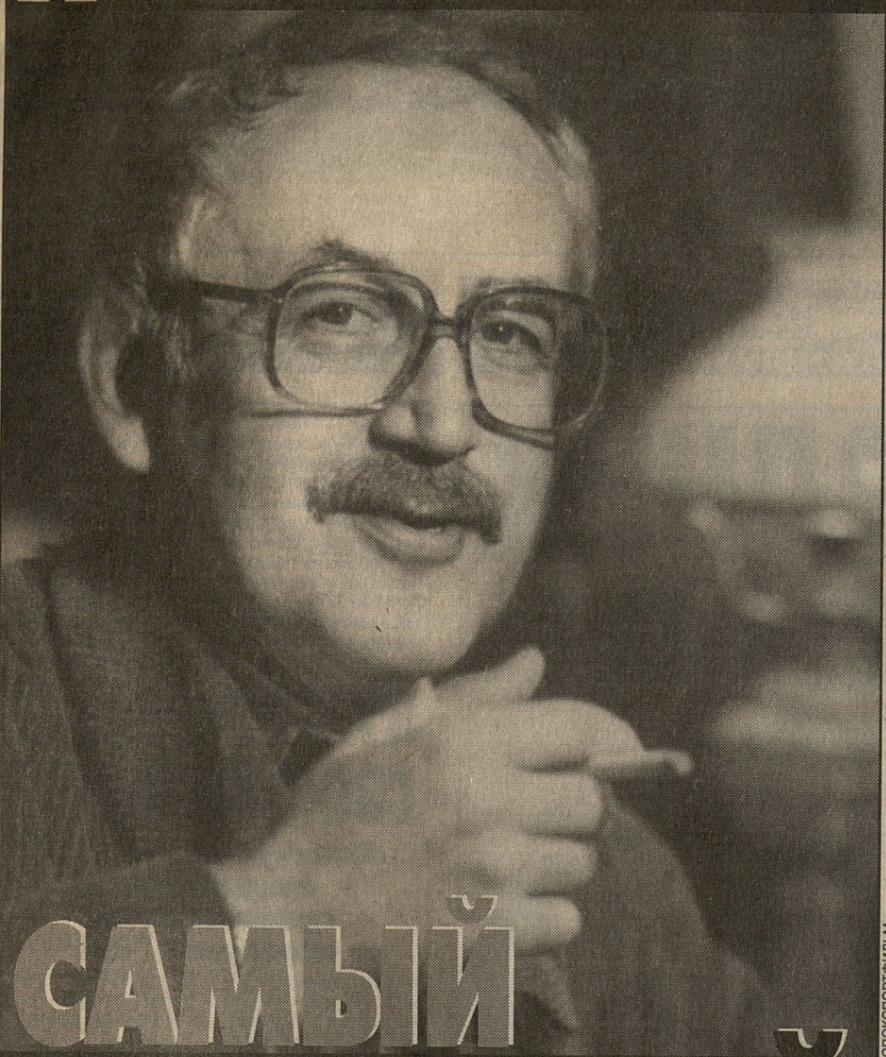

И я знаю, может, для кого-то он и Шерлок Холмс, а лично для меня — Карлсон. ТАК это сказать? Впрочем, допускаю, что для кого-то Ливанов — это крокодиль Гена. Василий Ливанов — внук актера и сын актера. Он и назван в честь актера — великого Василия Ивановича Качалова. Достаточно просто увидеть его лицо, чтобы понять: этот человек — актер. А можно и лица не видеть, просто услышать голос в телефонной трубке. Недавно он сделал фильм о Дон Кихоте. И сыграл в нем главную роль. И теперь ему предстоит суд. Не в смысле "суд зрителей". А самое обычное судебное разбирательство по всем законам детективного жанра. — Это правда, что ваш неподражаемый тембр возник благодаря тому, что когда-то вы просто-напросто сорвали голос?

САМЫЙ ЛУЧШИЙ В МИРЕ КРОКОДИЛ

— Да, когда я заканчивал Шукинское училище, голос у меня действительно был другой. Я его сорвал во время съемок "Неотправленного письма". Это была моя киношкола, первый фильм. Калатозов — режиссер — был невероятным фантазером, одержимым техническими новшествами. Он попытался устроить озвучение прямо на природе, а морозы были градусами, наверное, тридцать. Ну мы орал-орали, и на следующий день я оказался без голоса. Восстановился он уже таким, как сейчас. Поэтому я и говорю, что голос — это биография человека.

— Вы — человек из потомственной актерской семьи, интеллигентной, известной. При этом вы часто рассказываете, что выросли на улице. Как это совмещалось?

— Видите ли, в то время для детей никаких развлечений-то не было. Шла война. Ну и самая интересная жизнь была уличная. Мы сбивались в большие разновозрастные компании по принципу двора. У нас были свои законы — законы улицы, очень строго соблюдаемые. Это были хорошие законы. Суровые и справедливые.

— А разве вы не принадлежали к кругу "золотой" молодежи?

— Никогда. Я принадлежал к московской шпаше. Пацаны, с которыми я рос, потом исчезли безвозвратно в тюрьмах и лагерях.

— А вот ваш друг Гладков вспоминает, что вы были большим модником, носили длинные волосы. И долго не появлялись в школе, потому что ботинки носились, а басы в чем вы ходить не хотели.

— Не абы в чем, а не в чем. Просто не в чем было выйти на улицу! Я знаю этот рассказ Гладкова. Но могу вам сказать, что модность моя сильно преувеличена. Просто кто-то из знакомых отца привез американские солдатские ботинки. Другой обуви не было, а они оказались маленького размера — прямо на мою ногу, на теплый носок сидели отлично. Вот я и пришел в них в школу. Тогда это произвело впечатление, что я невероятный модник. В то время были другие мерки. На мне был костюм, перешитый из отцовского пиджака!

— Я знаю, что вы дружили с Бондарчуком, с Кончаловским. Но почему никто из ваших друзей-режиссеров никогда вас не снимал?

— Почему? Снимали. У Бондарчука я сыграл небольшой эпизод в фильме "Степь".

— Я имею в виду большие роли.

— Сергей Федорович Бондарчук пробовал меня на роль Долохова в "Войне и мире". Сначала он не собирался сам играть Пьера Безухова. И был совершенно другой актерский ансамбль. Кутузов — Николай Симонов, князь Болконский — Олег Стриженов, Пьер Безухова — молодой Андрон Кончаловский, я — Долохов. А потом Сергей Федорович решил, что сам будет играть Пьера. И возрастной фон сдвинулся, все стали старше.

— Вам не обидно было?

— Да, горько было терять эту роль, но что поделаешь. Это ведь кинематограф, и я уже был причлен к этой системе. Жесткой, потребительской системе кино.

Василий ЛИВАНОВ: "КЛАССИКУ МОЖЕТ ПОРТИТЬ ВСЯКИЙ!"

Моск. Комсомолец - 1999 - 26 июня - с. 2

лись очень хорошие пробы. Но я тогда уже не был мальчиком. А Настенька Вертинская, наоборот, — совсем молоденькая, еще наивная. На такую роль нужен юноша, а у меня глаз был уже мужской. Этого не загримируешь.

— Неизбежный вопрос, наверняка сотни раз задававшийся вам, — как вы попали в Шерлоки Холмсы?

— Попал я позже, когда его сыграл. Во мне каким-то образом разглядел это оператор Юрий Векслер. Он посмотрел материал к фильму "Ярославна, королева Франции", где я был такой лохматый рыцарь — совсем другой характер и обличье другое. Ничего общего. Как он ухватил, не знаю. Он был человек искусства во всем. А потом оказалось, что я внешне очень точно попадаю в рисунок Сиднея Пэже — это друг Конан Дойла, который под кураторством автора иллюстрировал первые публикации о Шерлоке Холмсе. Масленичников нас с Виталием нашел и выбрал по этим рисункам Сиднея Пэже.

— Говорят, на Бейкер-стрит ваш портрет висит в музее Шерлока Холмса. Стало быть, англичане вас признали.

— Да, англичане нас с Виталием назвали лучшей парой континента всех времен.

— Все-таки "континента"!

— Да, был большой разворот в газете "Дейли мэйл" в 82-м году с нашей фотографией. Но англичане — это англичане, от них вообще получить признание очень трудно. У них к континенту отношение особое. Но тем не менее мой портрет в образе Шерлока Холмса висит над портретом лучшего английского исполнителя. И мне это льстит.

— По-моему, когда-то вы пытались организовать театр "Детектив".

— А он до сих пор существует где-то в полном небрежении и забросе.

— То есть он существует уже без вас?

— Без меня. Хотя я его организовал. Мне очень помог Юлиан Семенов, мой друг, который и подвиг меня на всю эту затею. Он сказал: "Если не ты, то никто не пробыет такое дело". Мы арендовали помещения в клубе МВД, с большими трудами театр за четыре года пережил пять министров внутренних дел. А пятый министр Ерин его разгромил, прислал отряд ОМОНа и отобрал у нас помещение. После этого я театр оставил. Написал очень резкое заявление в Управление культуры и ушел. Эта история связана и с клеветой в мой адрес.

— Я слышала, что театр "Детектив" перестал существовать, потому что Василий Ливанов сильно запил. Это ложь?

— У вас были периоды неудовлетворенности, провалов, пустоты?

— Нет, никогда. Я всю жизнь работал, как вол. Были, конечно, периоды без работы, но только когда я сам для себя так решал. Скажем, начал удачно сниматься в кино как актер. Фильм "Коллеги" имел необычайную популярность и в прокате собрал зрителей больше, чем "Чапаев". Но я бросил это занятие и поступил на Высшие курсы режиссеров кино. Я ушел на волне успеха.

— Почему вы это сделали?

— Потому что мне хотелось заниматься режиссурой. И мне хотелось заставить наших потрясающих стариков. Я же ученик Михаила Ильича Ромма. Если б я тогда этого не сделал, у меня бы не было никаких воспоминаний от общения с этим грандиозным человеком и художником.

На моей курсовой работе рукой Ромма написано: "Учить нечему. Михаил Ромм". Это была монотонная работа по "Войне и миру".

— Вы не так давно обвенчались со второй женой...

— Да, мы прожили двадцать пять лет вместе, она родила мне двоих сыновей, и после двадцати пяти лет совместной жизни мы решили обвенчаться.

— А зачем?

— А затем, что браки — они рождаются на небесах, а мы считаем наш брак хорошим. Мы друг другу необходимы в жизни, и это — счастье. Простите, что я говорю и за нее, но, думаю, она со мной согласна. Мы решили обвенчаться, потому что роспись в паспорте ничего не значит.

— Ваша жена ревнива?

— Я не из тех, кто укладывает многочисленную читательскую аудиторию в свою супружескую постель.

— С Александром Абдуловым, который поставил "Бременских музыкантов" без вашего разрешения, вы до сих пор в ссоре?

— Во-первых, он их не ставил. Абдулов творчески не имеет никакого отношения к спектаклю, который он эксплуатировал как импресарио. За исключением того, что когда-то в первой постановке у Захарова он играл осла. Это все, что он внес в этот спектакль. А потом он просто на нем зарабатывал. Но почему-то писал, что это его спектакль. И не хотел выплачивать полагающихся нам как авторам денег (речь идет о троице — Энтин, Гладков, Ливанов. — К.П.). И, естественно, у нас с ним возник серьезный конфликт. Потом он вроде как образумился, выкупил у нас авторское право на постановку первых двух серий. Сейчас вот снимает фильм уже как режиссер.

Понимаете, сразу же возникшая, тридцатилетняя популярность "Бременских музыкантов" в некоторых случаях породила странные психические отклонения. Сначала первый исполнитель актер Олег Анофриев долгое время с шизофренической настойчивостью пытался приписать себя к компании авторов. Теперь эта участь постигла Абдулова. В последних интервью он вообще не упоминает имен авторов и с восхитительной наглостью приписывает авторство себе и Соловьеву, который пишет сценарий по нашим "Бременским музыкантам". Слава богу, что такие артисты, как Муслим Магомаев, Михаил Боярский, оказались не только артистами замечательными, но и достойными людьми, которых не

Собеседник: К.П.

— У вас были периоды неудовлетворенности, провалов, пустоты?

— Нет, никогда. Я всю жизнь работал, как вол. Были, конечно, периоды без работы, но только когда я сам для себя так решал. Скажем, начал удачно сниматься в кино как актер. Фильм "Коллеги" имел необычайную популярность и в прокате собрал зрителей больше, чем "Чапаев". Но я бросил это занятие и поступил на Высшие курсы режиссеров кино. Я ушел на волне успеха.

— Почему вы это сделали?

— Потому что мне хотелось заниматься режиссурой. И мне хотелось заставить наших потрясающих стариков. Я же ученик Михаила Ильича Ромма. Если б я тогда этого не сделал, у меня бы не было никаких воспоминаний от общения с этим грандиозным человеком и художником.

На моей курсовой работе рукой Ромма написано: "Учить нечему. Михаил Ромм". Это была монотонная работа по "Войне и миру".

— Вы не так давно обвенчались со второй женой...

— Да, мы прожили двадцать пять лет вместе, она родила мне двоих сыновей, и после двадцати пяти лет совместной жизни мы решили обвенчаться.

— А зачем?

— А затем, что браки — они рождаются на небесах, а мы считаем наш брак хорошим. Мы друг другу необходимы в жизни, и это — счастье. Простите, что я говорю и за нее, но, думаю, она со мной согласна. Мы решили обвенчаться, потому что роспись в паспорте ничего не значит.

— Ваша жена ревнива?

— Я не из тех, кто укладывает многочисленную читательскую аудиторию в свою супружескую постель.

— С Александром Абдуловым, который поставил "Бременских музыкантов" без вашего разрешения, вы до сих пор в ссоре?

— Во-первых, он их не ставил. Абдулов творчески не имеет никакого отношения к спектаклю, который он эксплуатировал как импресарио. За исключением того, что когда-то в первой постановке у Захарова он играл осла. Это все, что он внес в этот спектакль. А потом он просто на нем зарабатывал. Но почему-то писал, что это его спектакль. И не хотел выплачивать полагающихся нам как авторам денег (речь идет о троице — Энтин, Гладков, Ливанов. — К.П.). И, естественно, у нас с ним возник серьезный конфликт. Потом он вроде как образумился, выкупил у нас авторское право на постановку первых двух серий. Сейчас вот снимает фильм уже как режиссер.

Понимаете, сразу же возникшая, тридцатилетняя популярность "Бременских музыкантов" в некоторых случаях породила странные психические отклонения. Сначала первый исполнитель актер Олег Анофриев долгое время с шизофренической настойчивостью пытался приписать себя к компании авторов. Теперь эта участь постигла Абдулова. В последних интервью он вообще не упоминает имен авторов и с восхитительной наглостью приписывает авторство себе и Соловьеву, который пишет сценарий по нашим "Бременским музыкантам". Слава богу, что такие артисты, как Муслим Магомаев, Михаил Боярский, оказались не только артистами замечательными, но и достойными людьми, которых не

— У вас были периоды неудовлетворенности, провалов, пустоты?

— Нет, никогда. Я всю жизнь работал, как вол. Были, конечно, периоды без работы, но только когда я сам для себя так решал. Скажем, начал удачно сниматься в кино как актер. Фильм "Коллеги" имел необычайную популярность и в прокате собрал зрителей больше, чем "Чапаев". Но я бросил это занятие и поступил на Высшие курсы режиссеров кино. Я ушел на волне успеха.

— Почему вы это сделали?

— Ваша красота доставляла вам больше удобства или неудобства?

— Знаете, я как-то никогда не думал о своей красоте. Я не относился к себе — вот идет красавец. Не было такого ощущения никогда. Когда мне об этом говорили — особенно слабый пол, — это, конечно, было приятно. Но чтобы я сделал из этого какой-то повод для размышлений — нет.

— А свой голос вы когда-нибудь использовали, скажем, как сексуальный инструмент? (Смеется.)

— Как сексуальный инструмент я использовал вовсе не голос.

— Знаете, как про Высоцкого рассказывают, что ему достаточно было в компании запеть, и все женщины были его.

— У нас с Володей была одна ситуация... Мы вдвоем возвращались из Питера, случайно встретившись там в доме у нашего общего друга. В куте нельзя было курить, и мы вышли в тамбур. И Володя с невероятным темпераментом, очень эмоционально рассказывал мне, как он хочет написать что-то для детей. А я уже писал и печатался. Мы с ним бурно обсуждали эту тему и вдруг увидели, что в тамбуре из приоткрытой двери выглядывает такая белокурошка растрепанная — проводница — и раскрыв рот нас слушает. Володя говорит: "Тебе чего надо?" А она: "В жизни двух таких голосов не слыхала!"

— В прошлом году вы стали участником довольно громкого судебного разбирательства. На какой стадии находится процесс?

— Самое судебное процесса еще не было, он только грядет. Дело связано с разграблением бюджета фильма "Дон Кихот возвращается". А работали мы с Госкино и с одной из студий "Мосфильма" — "Арк-фильм". Абдрашитов там главный режиссер и председатель правления. И то, куда делись наши деньги, — это сейчас как раз дело следствия. Речь идет о коррупции в кинематографе. Эта история была одной из причин, повлиявших на снятие Медведева. Руководимая им группа госкиношных начальников была явно коррумпирована. Следствие очень трудно двигалось вперед. Но теперь, с приходом Голувы, я надеюсь, дело сдвинется. Он уже очень помог в расследовании. Сейчас следствие на завершающей стадии.

— Как сложилась судьба этого фильма, которому вы отдали столько сил?

— Я действительно отдал ему много сил. Мы практически за гроши сделали эту картину. Фильм получил Большой приз, приз за лучшую музыку и приз за романтизм на фестивале "Золотой витязь". На фестивале "Гранатовый браслет" мы тоже получили Большой приз. Вообще, фильм был доведен до конца только благодаря финансовой помощи чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова. Карпов давал деньги просто из любви к искусству и к нам. Но давал их уже нам, а не "Арк-фильму", который даже не счел нужным отчитаться за очень крупные суммы.

— Чем вы заняты сейчас?

— Сейчас я пытаюсь засадить себя за книжку, которую мне заказало одно издательство. Это книжка воспоминаний о разных людях, с которыми меня свела жизнь. Но пока мешает текучка. Для нормальной работы нужно сделать так, будто я уехал на остров Пасхи и меня невозможно достать. Пока этого не получается, но, думаю, что все-таки я ситуацию переломлю. Кроме того, мы своей троицей — Гладков, Энтин и я — решили тряхнуть стариной. И делаем большой мультфильм "Новые Бременские" — с новой музыкой, новым сюжетом. Поют у нас звезды. Квартет "Доктор Ватсон". Чудесная Надежда Бабкина выступает в совершенно неожиданном для нее качестве — поет за атаманшу. Конечно, Михаил Боярский. А недавно в роли старого трубадура записался замечательный Филипп Киркоров. Поразив нас тем, что он просто невостребованный певец.

— Вот уж не ожидала от вас такое услышать.

— Да, представьте себе! Он невостребованный певец! То, что все знают, — это десятая доля его дарования, он не раскрылся еще. "Зайка моя" — на этом раскрыться невозможно. Он ведь и великолепный драматический артист. Мы сами были потрясены, для нас это был сюрприз. Я давно Гладкова не видел в таком восторге. А Филипп вообще жалеет, что поздно родился. Потому что он должен быть в нашей компании. Вот такие приятнейшие открытия происходят.

— Внезапно он меняется в лице и, не дожидаясь вопроса, поворачивает разговор сразу на сто восемьдесят.

Трагедия наша в том, что у нас нет критики со времен Октябрьской революции. У нас существует или безмерное захваливание, или безмерное поношение. Такое охавание Никиты Михалкова — это даже вообразить невозможно. За что? Почему? Чего только не писали — и что он эсэсовец, и что Гусман почему-то в Освенцим отправит. Чуть полная! На это даже реагировать нельзя.

— А вы становились жертвой подобных нападков?

— Я же говорил про историю с театром "Детектив". Была статья "Ливанов запил — трупа разбежалась". Я знаю, что за нее заплатил, — его уже нет на свете, его застрелили после того, как он въехал в здание МВД, отобрал у меня театр. После этого я и написал заявление об уходе. Я понял, что меня держат за болвана при польском преферансе. И, используя мое имя, кто-то улучшает свое материальное положение. Так вот — статья была мерзкая. И что — я буду на это отвечать?! Ну конечно, нет. Джигит никогда не унизится до спора с караванчиком — это древняя поговорка. Вы слышали какой-нибудь ответ Никиты? Никакого ответа, нигде.

— С приходом Михалкова к власти вам стало легче работать?

— Сейчас пока трудно говорить. Но я по крайней мере знаю, что Никита не будет воровать. Это я знаю точно. Никита вырос на моих глазах. Я знаю, что он профессионал. Он пришел не просто с благими намерениями, которые ведут в ад. Он пришел уже с пониманием дела. И он боится за кинематограф. Ведь русские артисты — таких поди поищи. А мы не востребованы. Если б у нас были возможности, никто б не бегал смотреть американские фильмы.

Помните передачу "Мое кино"? Дьявол ведь напустил, так оно и вышло — было "мое кино". Кино Соловьева, кино Мережко. А это наше кино. Наше! Вот пока мы будем каждый думать о себе, мы будем жить в дерьме. У нас ведь огромная, прекрасная, несчастная и великая страна. И я совсем не хочу, чтобы получилось по Лермонтову и следующее поколение плевало в нашу сторону.

— Он начинает читать Лермонтова. Сначала скороговоркой, проглатывая слова. Постепенно заводится, возвышает тон. Последние строки грохочут в полупустом кафе во всю мощь ливановского голоса.

И пр-рах наш, строгостью судьи и гражданина, Потому оксор-робит презр-рительным стихом. Намешкой горькою обманутого сына Над пр-ромтавшимися отцом.

Обмелевшие посетители еще долго держат паузу, прислушиваясь к эху. И забывают вынуть свои вилки изо рта.

— Меня аж в жар бросило, — перевожу дух я. — И должно бросать. Все, Катюня!

Катя ПРЯНИК.